

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ЗАМОК НАД МОРЕМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Иллюстрации *И. Кругловой*

Гончарова, Галина Дмитриевна.
Г65 Замок над морем : трилогия / Галина Гончарова. — Москва : Эксмо, 2026. — 1184 с.

ISBN 978-5-04-248901-3

Волны перемешивают гальку, жизнь перемешивает людские судьбы. Воины и рабы, дети Ардена и слуги Ириона, все равны перед вечностью.

Казалось бы, все решено, расставлены фигуры и начата игра. Но богам вздумалось посмеяться и поселить чужую душу в тело одного из игроков. И что сделает Татьяна, женщина нашего мира, которую посмертная жизнь забросила аж в тело герцогини? Сбежит? Попытается просто жить своей жизнью? Или вступит в игру, приняв наследие и имя рода?

Ведь не просто так снится героине Замок над Морем?

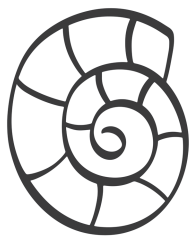
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248901-3

© Гончарова Г. Д., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Голос рода

Пролог

Рассветное утро на море всегда красиво. Особенно если смотреть на восток.

Солнце словно восходит из моря. Сначала окрашивая его в нежный розоватый цвет, потом море алеет, по воде пробегает огненная дорожка — и, наконец, солнышко чуть лениво выныривает из-за горизонта самым краешком. Стряхивает с лика капли морской воды и весело улыбается: «Ну, люди, что вы успели натворить без меня?»

Эта заводь устроена природой так, что любой, заходящий в море, глядит на восход. Маленькая, уютная, округлая, спрятанная, словно в ладонях, в острых выступах скал.

Море чуть слышно облизывает камушки. Если бы можно было разглядеть их — было бы видно, что они все одинакового голубоватого цвета. Словно море продолжается дальше, стараясь пометить свою землю.

Впрочем, сейчас в воде по пояс стоит девушка. Издалека — в белой ночной рубашке, с длинными светлыми волосами — она кажется просто размытым бледным пятном. Но если приглядеться вблизи, становится виден и упрямый подбородок, и широко раскрытые темные глаза, и плотно сжатые губы...

Ветер треплет длинные волосы, откидывает их назад, безжалостно хлещет ее мокрыми концами прядей, но она не обращает ни на что внимания.

Она смотрит, пока на море не появляются первые проблески рассвета.

— Море, мать всего живого. Своей кровью, своей жизнью, своей душой. Другого способа отомстить за родных у меня нет. Пусть моя смерть откроет ворота тому, кто отомстит вместо меня.

Голос рода

*Отдаю все.
Жизнь, душу, смерть, посмертие... кровью и властью рода
Карнавон!*

Галина Гончарова

Вспыхивает на воде алая дорожка.
И в ответ на это девушка безжалостно полосует себя ножом
по левому запястью, чудом не перехватывая сухожилие.
Алая кровь смешивается с алой водой. Девушка без звука уходит
под воду.

* * *

Есть такое старое поверье.
Если ты готов отдать все ради своего желания, ты должен на
рассвете прийти к морю, войти до пояса в воду — и попросить.
И если ты будешь признан достойным...
Впрочем, кто может в это верить? Только отчаявшиеся, обезумевшие, те, у кого не осталось никакой надежды.
А может, должна быть еще и особая кровь...
Никто точно не знает. Говорят, эти сведения передаются из уст
в уста, от отца к сыну в старых аристократических семьях.
Да сказки все это.
Простые сказки...

Глава 1

Таня шла домой.

На душе было... паршиво. Словно там порезвилась банда бешеных кошек, раздирая когтями все, до чего доберется, а самая жирная еще и от души нагадила напоследок.

Грустно и тошно.

Так вот тоже бывает. Тебе немного за сорок, семья... нет семьи. Мужа нет, мама и папа умерли, детей тоже нет.

Так бывает.

«Дорогая, я люблю тебя, и только тебя. Но если бы мы встретились раньше!.. Ты понимаешь, моя супруга...»

О да, все всё понимают. Эту песню поют молодым глупым любовницам женатые мужчины, начиная, наверное, с Адама. И девочки верят.

«Да, у меня ужасная жена, но она серьезно больна».

«Да, у меня ужасная жена, но я не могу ее бросить, пока не подрастут дети».

«Да, у меня ужасная жена, но...»

Вечное «но». А ты подожди, дорогая, пока тебе не исполнится сорок и ты никому не будешь нужна. А зачем тебе кто-то еще, когда в твоей жизни так хорошо устроился Я?

И что в итоге?

Ни семьи, ни детей, потому что чаще всего сопливую девчонку отправляют на аборт: «Дорогая, сейчас еще не время, я хочу, чтобы наш малыш рос в полной семье». Одинокие вечера и праздники, звонки украдкой, ворованные минуты счастья, отпуска, в которых шифруешься, словно Штирлиц...

Что заставляет тебя идти на эти унижения? Терпеть, ждать, верить?!

Голос рода

И ведь в глубине души ты все понимаешь, вообще все, но разорвать порочный круг не хватает сил.

Таня и сама не знала, как она так вляпалась. Но вот ведь...

Сорок лет на носу, а Германа все нет и нет. Да лучше б его Пиковой Дамой убило! Миша, так зовут мужчину всей ее жизни, словно заядлый рыболов, чувствовал, когда надо ослабить, а когда потянуть, чтобы она не сорвалась с крючка. Таня и не срывалась, вопреки слезам родителей, уговорам сестры и обещаниям брата набить негодяю морду.

С другой стороны, Миша был и полезен. Поддержал ее семью, когда у отца обнаружили рак, решил проблему с операцией, построил в администрацию области саму Таню (а ты поди найди работу, будучи юристом, при перепроизводстве их в девяностые годы!), помог племяннице с поступлением...

Так что и ругательства поутихли. Таня смирилась со своим положением незамужней тетки, Миша по-прежнему приезжал к ней три раза в неделю...

Сорок лет. И двадцать из них — Миша.

Задумавшись, она ступила на пешеходный переход, не замечая вывернувшей из-за туши автобуса иномарки. Только когда джип поддел массивным рылом тонкую фигурку, отбросив на несколько метров, пришло удивление.

Не боль, не осознание, просто удивление.

Неужели конец?!

Так странно...

Семейство Даверт

Тьер Луис Даверт прислушался. Ночь ухала филином. Три раза. Потом еще два и через несколько секунд пять раз.

— Готовность!

Он всей кожей ощутил, как по обе стороны от дороги напряглись и замерли его люди.

Карета выехала из-за поворота...

По счастью медленно, иначе, наскочи лошади на заботливо уложенное поперек дороги бревно, благородные животные ноги бы переломали.

— Тпр-р-р-у-у! — рывкнул кучер.

Сидящим в засаде того и надо было.

Команда сработала слаженно и четко. Том и Галт повисли на упряжи у лошадей, стреноживая их и лишая возможности дви-

нуться, Карс навел на кучера небольшой арбалет, а сам Луис небрежной походкой вышел на дорогу и распахнул дверцу кареты.

— Предстоящий Эльнор! Какая замечательная встреча! Позвольте представиться, тьер Луис Даверт.

Судя по скрежету зубов предстоящего, имя было ему хорошо знакомо.

— Простите, что выбрал такой неудачный момент для нашего знакомства, — разливался соловьем Луис. — Возможно, мы продолжим его позднее, чтобы убедиться в благонадежности друг друга?

— Что вам угодно, Даверт? — процедил сидящий в карете человек.

Луис очаровательно улыбнулся.

— А что мне может быть нужно? Скажите, предстоящий, это ведь ваша дочь?

Сидящая в карете девушка побледнела, вцепившись в руку отца.

— Я всего лишь хочу пригласить ее погостить у моей матери. Ненадолго, до выборов Преотца. Потом же, когда правильный выбор будет сделан, — Луис чуть подчеркнул нужное слово, — я лично верну ее вам целой и невредимой.

— Вы негодая, Даверт.

— У меня хорошая наследственность, — отрезал Луис. — Тьерина, извольте выйти?

— Нет! — взвизгнули в карете. — НЕТ!!!

— Тьерина, либо вы выходите, либо мои люди проявят определенную невежливость, — продолжил уговоры Луис. — В свою очередь, гарантирую, если вы и ваш отец поведете себя правильно, с вами ничего не сделают.

— А если нет? — мрачно поинтересовался предстоящий Эльнор, отчетливо понимая, что их с дочерью жизни сейчас в руках этого мальчишки. Ирион его дернул поехать ночью! Но так хотелось приехать пораньше, переговорить еще кое с кем, выяснить настроение других предстоящих, может быть, намекнуть кому-то на выгоду...

Поехал... дурак старый.

— Тогда, может быть, я даже женюсь на вашей дочери. Потом, — непрозрачно намекнул Луис.

И хотя тьер был хорош собой, но и отца, и дочь равно перевернуло при этих словах.

Тьер Луис молча ждал.

Минуто, две, потом, когда ему надоело, прищелкнул пальцами — и из темноты раздался ответный щелчок. С таким взводителем тетива арбалета.

Предстоящий Эльнор прикусил губу.

— Тьер, дайте мне слово, что не причините вреда моей дочери.

— Мое слово, — согласился Луис. — После избрания Преотца ваша дочь вернется к вам целой и невредимой. Тому порукой слово Давертов.

— Мелания...

Девушка вздохнула, а потом вышла из кареты. Она была удивительно хороша в льющихся серебристых потоках лунного света. Золотистые волосы, громадные голубые глаза, точеная фигурка, подчеркнутая простеньким дорожным платьем, — и неприступное, высокомерное выражение лица.

— Я вынуждена воспользоваться вашим гостеприимством, тьер Даверт.

— И я признателен вам за это, — отозвался Луис. — Прошу вас, тьерина. Предстоящий, мои люди сейчас уберут дерево с дороги, чтобы вы могли беспрепятственно продолжать свой путь.

Предстоящий скрипнул зубами, но что тут скажешь?

Его дорога лежала в вечный город Тавальен, где вскоре должны были состояться выборы Преотца.

* * *

Тьерина Мелания стиснула руки под плащом.

Пальцы дрожали.

Даверты...

Семья подонков, негодяев, подлецов... сброд, а не люди! Отец всегда так говорил! Но теперь она в полной власти одного из них.

Луис Даверт провел ее короткой дорогой через лес, к просеке, где ждали его люди с лошадьми. Ее, невзирая на протесты, усадили в мужское седло, так, что юбка задралась выше колен, показывая сапожки и стройные коленки в белых чулочках. Один из его зверообразных подручных привязал поводья ее коня к луке своего седла, а дальше была быстрая ночная скачка.

Тьерина неплохо держалась в седле, но из дамского она было точно выпала. Только вот и бешеный конский бег не избавлял от тяжелых раздумий.

Путь окончился у маленького охотничьего домика, почти крестьянского. Правда, у крестьянских домиков не бывает настолько выглаженных досок, украшенных искусной резьбой, да и внутри

дом был далеко не крестьянским. Камин, громадная кровать, стол и пара кресел. И все. Ясно, для чего его строили. Гнездышко для любовных утех.

Неужели...

— Вы дали слово, Даверт!

Голос, как она ни старалась, сорвался, чуть дрогнул.

— И я не дотронусь до вас и пальцем. — Луис прекрасно понимал, о чем думает девушка. Но не в городской же дом ее везти? — Даже и не мечтайте. Поживете здесь, пока не выберут Преотца, а потом пожалуйста к папаше на руки и обратно домой.

Луис сильно подозревал, что предстоящий Эльнор потом не доедет до дома, но это уж как отец распорядится.

Тьерина вспыхнула, когда смысл его слов дошел до девушки. И долго же он шел! Не всегда красоте сопутствует острый ум.

— Вы мерзавец, Даверт! И я искренне надеюсь, что...

— Можете и не надеяться. Я в вас не влюблен, — отрезал Луис. — Учтите, я оставляю охрану. Если попытаетесь сбежать, я снимаю с себя всякую ответственность за их действия. Вы девушка красивая, а они люди простые, темные...

Мелания побледнела.

— Арден покарает вас за это!

— Когда у него дойдут до меня руки, я уже буду в гостях у Ириона, — ухмыльнулся Луис. — Счастливо оставаться.

Развернулся и вышел вон, оставив девушку кусать губы.

Мерзавец, подонок, негодяй!!!

Да как он только посмел намекнуть?!

За дверью, там, где тьерина не могла его видеть, Луис тут же стер с губ глумливую усмешку и подозвал к себе старшего.

— Десятник! Дим!

Мужчина сделал несколько шагов к молодому тьеру. Не поклонился, да Луис и не требовал. Дим когда-то его мечом владеть учил, какие тут могут быть церемонии?

— Стеречь, как свою дочь. Если кто ее хоть пальцем тронет — отрезать буду сам. И не пальцы даже, и не в один прием, поняли?

Дим кивнул.

— Попугать можно?

— В меру. Чтобы от страха не описалась и в бега не сорвалась. Поняли? Она мне нужна живой и невредимой.

— Да, тьер.

Луис хлопнул старого вояку по плечу, развернулся и вскочил в седло.

Ему нужно было обратно, в Тавальен. Завтра будет тяжелый день. Поспать бы хоть часок, что ли?

Ирионопоклонники, той же ночью

— И восстанет Ирион,
И наш мир поглотит он.
Чешуя его блеснет,
Он родит водоворот...

Голоса сплетались в хор.

Красивый, даже восхитительный. Таким многоголосием не побрезговал бы и Морской Король.

Но был и один участник, который не мог оценить красоту песнопений. А именно жертва.

Сейчас она лежала на алтаре.

Совсем юная девушка, голубые глаза которой были полны слез. Она не кричала, снадобье делало свое дело. Собравшиеся не хотели раньше времени нарушить ритуал криками жертвы или ее преждевременной смертью от болевого шока...

Сейчас она почти ничего не чувствовала.

Верховный жрец посмотрел на нее, коснулся бьющейся жилки на шее.

Да, уже скоро.

Восемь человек, положенных по ритуалу, уже овладели ею, сейчас свою работу заканчивал девятый. Потом можно будет продолжать...

Крест был готов, готовы были и ядовитые змеи...

Этой ночью Ирион получит еще одну жертву.

Род Ольрат

Массимо Ольрат посмотрел в окно.

Занимался рассвет.

И где эта соплюшка?!

Ругался он не то чтобы зло, не слепой же! Давно видел, что у племяшки что-то сладилось с молодым Шернатом, могли сегодня и до сеновала дойти, дело-то житейское... Но ведь все равно душа не на месте.

Ладно.

Подождем еще чуть-чуть, а потом зайдем к соседям... или сейчас сходить?

А, ладно! Сколько можно?

Спустя десять минут его уже лихорадило. Роман Шернат был дома. А вот Мариль...

Они вчера расстались чуть ли не у калитки. Он проводил девушку, Массимо тогда еще был в лавке, Роман думал, что Мари дома. А ее нет?!

А где она?!

Массимо тоже хотел бы это знать. Они с Романом переглянулись — и разбежались в разные стороны. Искать, выспрашивать...

Улицы, дома, люди... вы не видели светловолосую девушку? Красное платье, белый передник?

Нет?

Жаль, очень жаль. Вы не видели?..

Так, в своих расспросах, Массимо добрался до рыночной площади. По раннему времени там бывало совсем немного народа, но не сегодня. Нет, не сегодня...

Люди стояли толпой, плечом к плечу, и смотрели на что-то... там? Впереди?

На что?

Что толкнуло Массимо в спину? Что заставило его пробиваться вперед, расталкивая зевак локтями? Он и сам бы не ответил.

— Уведите парня, рехнется!

— Самогона ему налейте!

— Куда стража смотрит?!

Сердце Массимо недобро сжималось от каждой фразы, но он упорно шел вперед. Толкался, получал в ответ тычки и пинки, но продвигался к центру площади, словно его чья-то воля гнала.

Он и не осознавал ничего, пока не увидел это.

Тонкое тело в алом платье. И кровь.

Черная на алом...

Мариль лежала на серой брусчатке. Светлые волосы тоже слиплись от крови, в глазах отражалось небо, руки еще хранили следы гвоздей, а распоротый живот явственно указывал на причину смерти. Рядом с телом любимой на коленях рыдал Роман.

А потом Массимо услышал чей-то вой и только через пять минут осознал, что этот звук вырывается из его груди. Столько в нем было боли...

ЗА ЧТО?!

